

МИШИНИТЕ Айсте / Aiste MISHINYTE

Литва, Каунас.
Каунасский технологический университет.
Медиафилософия, магистр.Lithuania, Kaunas.
Kaunas University of Technology.
Media Philosophy, Master of Philosophy.aiste.misinyte@gmail.com

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МЕДИА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАРЯД МЕДИАФИЛОСОФИИ

В статье утверждается, что на изначальный антропологический вопрос в медиафилософии ответ дать затруднительно из-за проблем с самим определением медиа и из-за сформировавшегося методологического аппарата, который унаследовал недостатки ранних медиатеорий. Поэтому вопрос о человеке и его медиа часто решается в соответствии с детерминистскими теориями, которые слишком рано устанавливают ненужные разграничения. Составляющую основу детерминизма оппозицию человека и техники можно решить и по другому — принимая технологический аспект человека и человеческий аспект технологий. Однако остается ли тут место для антропологии? Поиски ответа превращаются в поиски определения медиа и приводят к теории медиации, построенной не на пространственном, а на временном континууме. Эта теория указывает не только на невозможность получить универсальное определение медиа, но и на невозможность наблюдать медиацию извне. А значит и позиция медиафилософа не может быть объективной и прозрачной. Без пристального внимания к человеческой перспективе тут не обойтись.

Ключевые слова: медиафилософия, медиаантропология, технологический детерминизм, социальный конструкционизм, человек и технологии, медиа, теория медиации

Man and His Media: Anthropologically Charged Media Philosophy

This article states that due to the problems of defining the concept of media, and due to the existing methodological apparatus, which inherited some of the faults of the early media theories, it is difficult to solve the primordial anthropological question of media philosophy. Thus, the problem of Man and his media is seen in the light of determinism, which means that some unnecessary distinctions are made far too early. Basic deterministic opposition between Man and technology can be solved in another way: it is possible to accept the technological aspect of the human being and the humanistic aspect of technologies. However, is this still anthropology? Searching for an answer, we find ourselves on a quest to define the term media. Finally, we face the theory of mediation, which is based on a temporal continuum, rather than a spatial one. This theory does not only show the impossibility of a universal definition of media, but also the impossibility of observing the process of mediation from within. Thus, the position of the media philosopher cannot be seen as objective and transparent and close attention to the humanistic perspective is needed.

Key words: media philosophy, media anthropology, technological determinism, social constructionism, Man and technology, media, theory of mediation

Медиаисследования, медиаведение или медиафилософия изначально содержали антропологический момент — потребность разобраться в том, как соотносятся человек и его медиа или люди через их медиа. Сформировалась и отдельная дисциплина медиаантропология, анализирующая способы, которыми люди используют и придают смысл медиатехнологиям¹. Однако уже это общее определение указывает на некий недочет, искусственное деление на объект и субъект, недостаток внимания перспективе исследователя и тому, что

по аналогии можно назвать эффектом медианаблюдателя². Эти проблемы напрямую связаны с самим понятием медиа и с тем методологическим аппаратом, который сформировался со времен Маршалла Маклюэна и Рэймонда Уильямса под возникшим позднее давлением требований научности, объективности и точности. В результате вопрос о технологиях и медиа часто опускается, а вопрос о человеке и его медиа исчезает за множеством суждений в духе детерминизма или яростного его отрицания, которое само от детерминизма от-

¹ Askew K. Introduction (to the anthropology of media) // The Anthropology of Media: A Reader. Ed. Askew, Kelly Michelle, and Richard R. Wilk. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2002. P. 2.

² Не стоит считать эту проблему лишь частью кризиса репрезентаций, в котором медиаантропология, конечно же, отдает себе отчет. Это разделение и обратная перспектива медианаблюдателя с репрезентациями связана лишь косвенно.

личается лишь формально. Попробуем разобраться в механизме этого процесса, начиная с короткого исторического экскурса.

Несмотря на то, что в список значимых для медиафилософии авторов ретроспективно включают самых разных мыслителей — от Платона до М. Хоркхаймера, история медиатеорий начинается с М. Маклюэна. Это начало связано и с технологическим детерминизмом, который М. Маклюэну приписывают. Принято считать, что технологический детерминизм в какой то степени присущ всей североамериканской (а отчасти — и континентальной) традиции медиаисследований, на которую сильно повлияли работы М. Маклюэна и исследования Торонтской школы коммуникаций³. Этой традиции противопоставляют английское направление социального конструкционизма. Хотя разница между технологическим детерминизмом и социальным конструкционизмом кажется на первый взгляд очевидной, более вдумчивый анализ, который провели, например, Сара Кембер и Джоанна Зилинска⁴, показывает, насколько беспомощны оба подхода в чистом виде. Несмотря на то, что в рамках технологического детерминизма человек играет подчиненную роль как один из эффектов, а конструкционизм вроде бы поворачивается к человеку как к особому роду бытия, к его существованию в культурной⁵ среде, вряд ли последний можно считать более заряженным антропологически.

Сопоставим основные положения технологического детерминизма и социального конструкционизма. В книге Мартина Листера и соавторов, посвященной новым медиа, оба подхода отражаются в емкой формуле, состоящей из двух вопросов:

- до какой степени технологии определяют культуры, в которых они существуют;
- и каким образом культурные факторы формируют то, как мы используем и испытываем мощь технологий⁶.

Когда оба вопроса оказываются рядом, становится очевидно, что они являются зеркальным отражением друг друга, что оба используют ту же прямолинейную логику причины и следствия, что оба напрашиваются на однозначный и абсолютный ответ о роли технологического фактора против фактора человеческого. Человек и его технологии просто ставятся на разные стороны баррикад. В таком виде оба подхода могут быть названы детерминистскими, различаясь лишь тем, что в первом случае детерминизм называют технологическим, а во втором — его можно считать социальным. Гуманизм конструкционистов вовсе не исключает детерминизма, здесь главное — не представление о роли технологического/человеческого фактора, а, как заметили С. Кембер и Дж. Зилинска, желание

³ Об этой связи пишут, например, С. Кембер и Дж. Зилинска (*Kember S. and Joanna Zylinska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process.* — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012.) или М. Листер с соавторами (*Lister, M. et al. New media: a critical introduction.* 2nd edition. — Abingdon, Oxfordshire: Routledge, 2009.). Роль М. Маклюэна легко недооценить, приняв в расчет реакцию академии и позднейшее забвение его идей.

⁴ *Kember S. and Joanna Zylinska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process.* — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012.

⁵ Впрочем и в природной среде — все зависит от понимания медиального и технического.

⁶ *Lister M. et al. New media: a critical introduction.* 2nd edition. — Abingdon, Oxfordshire: Routledge, 2009. P. 4.

свести эту роль к уравнению «все или ничего», либо основное воздействие, либо никакого⁷.

Сам по себе детерминистский анализ может оказаться даже вполне полезным инструментом. Ведь благодаря такому анализу поднимается вопрос об активной роли медиа и технологий. Как заметил Мартин Хайдеггер, в самом злом плену у техники мы оказываемся тогда, когда усматриваем в ней что-то нейтральное; такое представление делает нас совершенно слепыми к ее существу⁸. Детерминизм как раз не позволяет технологический фактор считать чем-то прозрачным, а медиа — чем-то иммедиальным. Неважно, как воспринимаются технологии: как эффект (в социальном детерминизме) или как причина (в технологическом детерминизме), но этот эффект или причина считаются непременно ярко выраженными.

Также детерминистский анализ может помочь решить некоторые практические проблемы. Но необходимо заметить, что вопросы в духе детерминизма закрывают всякую возможность коммуникации вне узких заданных рамок и этим напоминают симулированные сообщения Жана Бодрийяра, сообщения-тесты, о которых он пишет, что в них ответ подсказывается вопросом, заранее моделируется/обозначается им⁹, что цель их в конечном счете — контроль, «контр-роль», в том смысле что все ваши ответы уже зафиксированы «ролью», заранее зарегистрированы кодом¹⁰, и любое восприятие сообщений¹¹ становится постоянным экзаменом на знание этого кода¹². Возможно, поэтому в научно-популярных статьях и в любительской медиатеории¹³ столь часто о технологиях и медиа вопрошают именно в этом ключе — ведь такая логика уже заключена в нынешнем положении вещей. Но для медиатеорий этот подход может представлять опасность, так как слишком рано устанавливает разграничения и не позволяет исследованию развиваться дальше, а лишь оперировать ограниченным числом ограниченных категорий. Именно в этом смысле детерминизм является, как пишут Дж. Зилинска и С. Кембер, «неправильной» проблемой, именно в этом смысле является «неправильной» оппозиция конструкционизма и детерминизма¹⁴.

В принципе, тут нужна новая медиафилософия, которая не пыталась бы обойти неудобные вопросы во избежание обвинений в технологическом детерминизме. В то же время эта

⁷ *Kember S. and Joanna Zylinska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process.* — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. — P. 7.

⁸ *Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого.* — М.: Республика, 1993. — С. 221.

⁹ *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть.* — М.: Добросвет, 2000. — С. 134.

¹⁰ *Бодрийяр Ж. Указ. соч.* — С. 135.

¹¹ В русском переводе «Символического обмена и смерти», говорится о контролируемых передачах, о восприятии передач, однако речь тут скорее идет не о передачах масс-медиа, а о сообщениях в более широком смысле.

¹² *Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть.* — М.: Добросвет, 2000. — С. 135.

¹³ *Vernacular theory* — англ. Феномен любительской медиатеории, так назван по впечатлению от книги Томаса Маклафлина (McLaughlin T. *Street Smarts and Critical Theory: Listening to the Vernacular.* — Madison: University of Wisconsin Press, 1996.) и отражающий тесное сплетение академических исследований с работами художников, журналистов, активистов.

¹⁴ *Kember S. and Joanna Zylinska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process.* — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. P. 2.

новая медиафилософия не должна увязнуть в болоте вопросов о том, делает ли нас Гугл глупее или умнее, или как компьютерные игры меняют наших детей. Потому что эти вполне разумные и актуальные вопросы вдруг оказываются не вполне корректными на методологическом уровне. И даже больше — те известные авторы, опираясь на работы которых сегодня выдвигаются вопросы такого типа, оказываются не при чем. Технологический детерминизм того же Ж. Бодрийяра или даже М. Маклюэна во многих случаях оборачивается тонкой провокацией. Ведь детерминизм — и технологический, и социальный — возможен только при построении объективной модели, в которой проводится четкое разграничение между человеком и его медиа. То, что для М. Маклюэна медиа являются расширениями человека¹⁵, должно стать первым предостерегающим знаком для каждого желающего обвинить этого автора в детерминизме. Впрочем М. Маклюэн часто бывал непоследовательным, поэтому пытаться переосмыслить связь человека и медиа, человека и технологий легче на примере других авторов.

Ради этого даже не надо обращаться к медиафилософии, но для самой медиафилософии очень важно обратиться к этой теме, чтобы найти более прочный фундамент для дальнейших построений. Таким фундаментом может стать тезис о технологичности человека и его общности с его же медиа, который напрашивается сразу после отказа от упрощающей оппозиции между конструкционизмом и детерминизмом. Если быть последовательным, после отказа от такой оппозиции просто необходимо разобрать ее основу, которой являются, опять же, бинарные структуры человека/технологий и человека/медий. Для антропологически ориентированной медиафилософии этот вопрос также совпадает с вопросом разницы между объектом и субъектом.

Радикально настроенный Ж. Бодрийяр считал, что разница между субъектом и объектом исчезла, когда начал рассыпаться весь мир каузальности. Исчезла вместе с перспективным и детерминистским, «активным» и критическим методами, с методом аналитическим, с различием между причиной и следствием, между активным и пассивным, между целью и средствами¹⁶. Разница эта лишилась смысла, когда медиа стала разновидностью генетического кода¹⁷, и в процессе генетического кодирования не осталось смысловой дистанции между субъектом и объектом. Столь неоднозначное сравнение с генетическим кодом,¹⁸ однако, очень выразительно указывает на исчезающе маленькую разницу между медиальным или технологическим и биологическим.

С. Кембер и Дж. Зилинска, строгие критики Ж. Бодрийяра, пришли к аналогичному выводу, что вопрос техно-

гий — это вопрос биологии¹⁹. Такое утверждение наиболее радикально выражает общность человека и технологий. Но похожее заключение можно найти и у М. Хайдеггера, Б. Штиглера, В. Флюссера и других философов. Например, М. Хайдеггер писал, что такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует²⁰. Для М. Хайдеггера человек и техника неотделимы. Эту мысль в фильме посвященному М. Хайдеггеру и Ф. Гельдерлину дальше развил Бернар Штиглер²¹, который утверждал, что человек есть ничто иное, как техническая жизнь, что именно техническое измерение делает его особенным, уникальным существом среди всех живых существ. Даже больше — становление человека и техники — это одно и то же²². Что становление организмов и машин возможно лишь при обоюдном созидании, пишет и Карен Барад, развивающая свою теорию интраактивности²³.

Неотделимость людей от их орудий особо бросается в глаза при изменении масштаба в исследованиях технологической среды. Как замечают С. Кембер и Дж. Зилинска, нельзя сказать, что мы, отдельно взятые люди, живем в сложной технологической среде, которой можем управлять, которую можем контролировать и использовать. Скорее уж мы сами — и физически, и онтологически — являемся частью этой технологической среды. Говорить о том, как мы используем ее, так же бессмысленно, как и говорить о том, как она использует нас²⁴.

Тут интересен еще один момент: когда М. Хайдеггер собрался на поиски истинного, сокрытого правильного, когда он пытался нащупать сущность техники, он отбросил определение техники через средство и деятельность, определение, которое он сам назвал инструментальным и антропологическим²⁵. Точно также Ж. Бодрийяр объявил антропологию бессильной ответить на вопрос: человек ли я или машина. В этом он увидел в какой-то мере конец антропологии, тайком изъятый машинами и новейшими технологиями²⁶. Означает ли это, что общность человека и техники, что общее становление и обоюдное созидание, даже срастание их, в какой-то мере меняют сущность человека, отодвигают его на второй план, лишают его свободы и ведут к катастрофе? Теряет ли тут медиафилософия свой антропологический заряд? Быть может, этот заряд теплится лишь в понимании техники как деяния человека? Возможно. Но сам М. Хайдеггер свободу человека находил как раз в откры-

¹⁹ Kember S. and Joanna Zylińska. *Life After New Media: Mediation as a Vital Process*. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. P. 7.

²⁰ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*: Пер. с немецкого. — М.: Республика, 1993. — С. 236.

²¹ Упомянутый фильм, «Истр», вовсе не является первоисточником для тут изложенных мыслей Б. Штиглера. Те же проблемы он обсуждал в своей книге «Техника и время, I». Однако в фильме проблема человека и техники изложена очень четко и концентрированно, в то время, как в книге она разбавлена другими суждениями.

²² Barison, David and Daniel Ross. *The Ister* [film]. — Australia, 2004.

²³ Barad K. *Meeting the Universe Halfway*. — Durham, NC: Duke University Press, 2007. 150 p. (и далее).

²⁴ Kember S. and Joanna Zylińska. *Life After New Media: Mediation as a Vital Process*. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. — P. 13.

²⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*: Пер. с немецкого. — М.: Республика, 1993. — С. 221.

²⁶ Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. — М.: Добросвет, 2000. — С. 85.

¹⁵ Маклюэн М. *Понимание Медиа: Внешние расширения человека*. — М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.

¹⁶ Baudrillard J. *Simulations*. — New York: Semiotext[e], 1983. P. 55.

¹⁷ Baudrillard J. *Op. cit.* — P. 55.

¹⁸ Важно заметить, что хотя Ж. Бодрийяр часто обращался к примеру генетического кода, он сам в книге «Символический обмен и смерть» такой подход подвергал критике, называя его обращением к фантазматической «биологической» природе и завроженностью биологическими, биохимическими явлениями (Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. — М.: Добросвет, 2000. — С. 126–132.).

тости существу техники²⁷. Да и вся эта довольно мрачная визия М. Хайдеггера завершается обещанием ростков спасительного как раз в существе техники²⁸.

Ценность этой свободы и спасения, конечно, можно подвергать сомнению. Так, например, Ж. Бодрийяр заявлял, что центробежная энергия многочисленных технологий наделяет нас бесполезной свободой движения²⁹. И в то же время виртуальная вечность, принуждение к ней кладут конец свободе³⁰. Попросту не остается разницы между свободой и не-свободой. Это означает гомеостаз человека с машиной, отсутствие выбора, возможности принятия окончательного решения, отсутствие воли, без которой свободу даже невозможно потерять³¹. Ж. Бодрийяр указал на интенсификацию процессов в пустоте и живучесть системы, подобную раковой опухоли³². Понятно, что в таком случае катастрофа, разрушающая систему симулякров третьего порядка, вовсе не видится злом. Необходимо превзойти систему в симуляции, необходимо выбрать катастрофическую стратегию³³. Пугает совсем не надвигающаяся катастрофа (катастрофа смыслов), а невозможность этого мира в технологической невесомости разрешиться наконец катастрофой. Ж. Бодрийяр объяснил, что «катастрофическое» значение конца и уничтожения термину «катастрофы» навязано, сам термин ближе к тому, что можно было бы назвать «горизонтом событий», предельным горизонтом смысла. Однако достаточно выйти из этого ультиматума смысла, чтобы сама катастрофа не появлялась больше как последний и нигилистский срок, в том виде, в каком она функционирует в нашем актуальном воображаемом³⁴.

И тем не менее, вопрос человека и техники — это очень страшный вопрос. Боязнь потерять человека, себя, в технологиях, переносится и на обсуждение человека и его медиа.

Несмотря на то, что медиа вовсе не тождественна технологии, изначальная технологичность человека также означает его изначальную медиальность. Убедиться в этом можно разбирая понятие медиа. Однако для начала можно обратиться за примером такой медиальности к моделям Вилема Флюссера, который смоделировал медиа как телесный аспект, как живой опыт человека³⁵. Безусловно, медиа в таком определении нельзя отождествлять с медиаобъектами или медиатехнологиями. Также следует осторожно употреблять понятие медиа как среды, в которой содержание обретает форму и становится доступно человеческому опыту. Данное популярное определение в общем является узкой интерпретацией утверждения М. Маклюэна, что медиа — это сообщение³⁶. И опирается на другое известное его

утверждение о медиа как расширениях человеческого тела³⁷. Однако все то, что было сказано о технике и технологических средах, может быть применено и к этим формулам. Например, медиа являются расширениями человека не более, чем человек является продолжением медиа. То есть, не совсем понятно, почему в этой схеме центральная часть отводится именно человеку. Впрочем, перенести в центр медиа тоже нету оснований.

К подобному выводу пришел и Ж. Бодрийяр, к утверждению М. Маклюэна применив свои концепции орбитального и ядерного. Он заметил, что человеческие функции в виде механических или информационных протезов вовсе не вращаются концентрически вокруг тела, а превратились в спутники, расположившиеся в эксцентрическом порядке. Человек сразу же оказался в состоянии эксцесса и эксцентричности относительно этой орбитальной экстравертности своих собственных функций, своей собственной технологии³⁸. Продолжая эту мысль, медиасреду можно представить разве как среду, в которой сообщение преломляется и становится малопонятным эхом, а не приемлемой для человеческого восприятия формой. Ж. Бодрийяр эту ситуацию описал в еще более жестких терминах. По его словам, медиа в буквальном смысле больше не существуют: теперь они не осязаемы, рассеяны и дифрагированы в реальном, и уже нельзя даже сказать, что как-либо искажают его³⁹. А наши экраны создают некое измерение, не являющееся человеческим, измерение эксцентрическое, которому соответствуют деполаризация пространства и неразличимость очертаний тела⁴⁰.

Очевидно, что при таком понимании медиа мы попросту оказываемся невесомой частичкой меняющейся медиатуманности. С. Кембер и Дж. Зилинска выход из данной ситуации увидели в динамическом определении медиации — процесса становления медиа, в котором медиа воспринимаются как нескончаемые стабилизации медиапотоков⁴¹ в противовес устоявшемуся пониманию медиации как функции медиаобъектов⁴². В понятии медиа акцент тут переносится от объектов к тесно связанным технологическим, социальным и биологическим процессам медиации. Той медиации, которая для С. Кембер и Дж. Зилинска является лишь другим словом, описывающим жизнь, бытие и становление⁴³. Медиации, которая является основным условием бытия в технологическом мире. Доведя мысль авторов до предела (а возможно — до абсурда), наверное, можно даже сказать, что медиа — это то, что происходит с человеком как существом технологическим. Но вряд ли их можно считать просто частью человека (во всяком случае, не более, чем человека можно считать частью медиа), потому что медиа так же непременно открываются для другого, даже если там, по мнению, например, Ж. Бодрийяра, зияет пустота одного и того же⁴⁴.

²⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого. — М.: Республика, 1993. — С. 232.

²⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. — С. 234.

²⁹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — С. 47.

³⁰ Бодрийяр Ж. Указ. соч. — С. 84–85.

³¹ Бодрийяр Ж. Указ. соч. — С. 87.

³² Бодрийяр Ж. Указ. соч. — С. 47–48.

³³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — М.: Добросвет, 2000. — С. 47.

³⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — С. 115.

³⁵ Flusser V. On the Crisis of Our Models // Flusser V. Writings. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. — P. 79.

³⁶ Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. — М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. — С. 6.

³⁷ Маклюэн М. Указ. соч. — С. 5.

³⁸ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — С. 46.

³⁹ Baudrillard J. Simulations. — New York: Semiotext[e], 1983. — P. 54.

⁴⁰ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — С. 82.

⁴¹ Kember S. and Joanna Zylińska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. — P. 21.

⁴² Kember S. and Joanna Zylińska. Op. cit. — p. 211 (footnote).

⁴³ Kember S. and Joanna Zylińska. Op. cit. — p. 23.

⁴⁴ В «Реквиеме по медиа» (Baudrillard J. Requiem for the Media // The New Media Reader. Ed. Wardrip-Fruin, Noah and Nick Montfort. —

Теория медиации объясняет ранее замеченные несоответствия, в частности, невозможность получить определение медиа и обсуждать отдельно взятые феномены как медиа. Если медиа — всего лишь отдельные моменты процесса становления, то за пределами медиации они не имеют самостоятельного содержания. Однако эти прерывания важны в более общих социокультурных или — наоборот — в более узких практических исследованиях.

Все же не только временной характер не позволяет дать универсальное определение медиа. Ранее показана невозможность отделить человека от его медиа за пределами детерминистской системы указывает на несостоятельность многих других оппозиций. Однако при попытке определить медиа, непременно встречаются обращение к таким оппозициям. Имеет ли смысл выделять автономное «сообщение», «отправителя» и «получателя», выносить их за пределы самих медиа, отделять «исследователя» от того, что исследуется? Возникшие искажения такое определение делают бессмысленным, так как тут игнорируется некое подобие эффекта наблюдателя. Попытка вообразить, что мы сами находимся за пределами этого уравнения сродни попытке самим себе ампутировать все медиарасширения — и тут совершенно неважно расположены ли они эксцентрически или концентрически по отношению к нам.

Захваченный поставляющим производством, человек стоит внутри сущностной сферы постава. Он никак не может занять то или иное отношение к нему, поразмыслив⁴⁵, — писал М. Хайдеггер об отношении человека к сущности техники. То же можно сказать и о медиа. Являясь частью медиации, человек не может в то же время находиться полностью «над» своими медиа, изучая их на безопасном расстоянии и имея возможность оценить общий вид. Если медиа не может быть полностью от-

делена от субъектов или «пользователей», как «мы» можем с «ними» по другому взаимодействовать⁴⁶, спросили С. Кембер и Дж. Зилинска. Попытка построить «объективную», или научную, модель превращает человека в объект, в вещь, хотя обосновать такое разделение субъекта и объекта чрезвычайно сложно. Если не будем считать достаточным основанием практические соображения в текущем исследовании.

Для того, чтобы вообще было возможно исследовать медиа, приходится искать другие подходы. В. Флюссер, например, предложил заменить объективную модель интерсубъективной⁴⁷. В таком случае исходная позиция перемещается в медиа, в человека, а объект заменяется на непосредственное переживание. Однако такая модель не позволяет увидеть общего и давать определений. Впрочем довольно часто медиаисследователи и не стремятся определять и конкретизировать свое рабочее поле. Определения и модели замещаются эвристическими методами и свободно организованными категориями, некой ризоматической структурой. Частично это происходит оттого, что, как заметил Томас Содейка, философия медиа не является одной из философий родительного падежа⁴⁸. Ей необязательно каждый раз сверяться с определением медиа для подтверждения своих границ. В этом смысле особо выделяется германская школа медиатеории, для которой медиа — это скорее точка фокуса или общая парадигма, чем конкретное явление, которое, как пишет Флориан Крамер, можно было бы критически наблюдать и анализировать, используя эмпирические методы⁴⁹.

Данный краткий обзор понятия медиа повторяет простую мысль, что той точкой, которая задает перспективу видения, является человек. Но важно не обмануться насчет положения этой точки. Для медиафилософии это также означает, что человеческая перспектива вовсе не исключает технологического, медиального измерения человека.

Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2003. P. 278–288.) Ж. Бодрийяр формулирует принцип современной архитектуры медиа так: они являют собой то, что навсегда запрещает ответ, что делает невозможным процесс обмена (280–281). Масс-медиа же он описывает как антимиальные и интранзитивные, производящие антикоммуникацию (280). В «Прозрачности зла» (Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000.) сомнению подвергается сама способность отвечать, потому что свершился переход из ада иного к экстазу одного и того же, из чистилища изменений в искусственный рай сходства (86–87).

⁴⁵ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с немецкого. — М.: Республика, 1993. — С. 236.

⁴⁶ Kember S. and Joanna Zylińska. Life After New Media: Mediation as a Vital Process. — Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2012. — P. 1.

⁴⁷ Flusser V. On the Crisis of Our Models // Flusser V. Writings. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. P. 82.

⁴⁸ Sodeika T., Michelkevičius V. Pokalbis su Tomu Sodeika apie prietis ir išeitis medijų filosofijoje // Balsas. cc, 2007. URL: <http://www.balsas.cc/pokalbis-su-tomu-sodeika-apie-prietis-ir-iseitis-mediju-filosofijoje>. (30. 05. 2014).

⁴⁹ Cramer F. Medienwissenschaft — Ein deutscher Sonderweg? Antworten von Florian Cramer // Medienwissenschaft — Ein deutscher Sonderweg? Blog, 2009. URL: <http://medienumbrueche.uni-siegen.de/groups/medienwissenschaften/weblog/38962>. (30.05.2010).

